

РЕЦЕНЗИИ

«Sprachwissenschaftliches Wörterbuch», hrsg. von J. Knobloch in Verbindung mit E. Coseriu, S. Heinemann, G. Ibsen... und anderen Linguisten, Lf. 3—6 — Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1965—1971 (Indogermanische Bibliothek. 2 Reihe—Wörterbücher). Стр. 161—480.

Для того чтобы представить себе значение рецензируемого труда, необходимо сначала хотя бы очень кратко остановиться на той работе, которая сейчас ведется в разных странах в области создания словарей лингвистических терминов. Дело в том, что пособия этого рода сейчас возникают все время, причем несмотря на их огромное многообразие, их можно свести к двум основным типам, а именно: 1) словари, которые стремятся дать представление о метаязыке лингвистики как о некоторой системе и 2) словари, носящие характер энциклопедический, т. е. словари-тезаурусы, ставящие себе в качестве основной задачи собирание и описание возможно большего материала. Совершенно понятно, что словари первого типа должны быть сравнительно небольшими по объему, компактными и обязательно создаваться сразу, так сказать от альфы до омеги, так как без этого невозможно компактно описать данный метаязык. С другой стороны, словари энциклопедического типа (так же как и вообще энциклопедические словари) вполне закономерно (таков уже установившийся узор) могут выходить в течение сравнительно длительного времени в виде отдельных томов, выпусков и т. п. Рецензируемый словарь принадлежит ко второй из этих категорий.

Вместе с тем, и для энциклопедического словаря, направленного на то, чтобы дать наиболее полную картину состояния данной науки, ее категорий в общем и тех разнообразных названий, которые с этими категориями связываются в разных школах и в разных направлениях, необходимо уточнение того, какие категории и их названия включаются в данный труд; и здесь они обязательно должны подвергнуться какому-то ограничению, какому-то сведению к какой-то более или менее обзорной системе понятий и соответствию терминов. Следует сразу же сказать, что рецензируемый труд как раз в этом отношении характеризуется четкостью постановки и решения соответствующих вопросов. Вот как определяет задачи и границы своего словаря сам его автор в своем предисловии к 1-му выпуску: «Словарь лин-

гвистических терминов должен содержать основную лингвистическую терминологию в легко обозримой, сжатой форме, причем все те пограничные или смежные области, которые так или иначе вторгаются в языкознание, должны соответствующим образом учитываться, за исключением метрики, поскольку эта терминология или специальный язык последней уже представлены в соответствующих хороших лексикографических пособиях или других собраниях. Для категорий общего языкознания данный словарь должен и может одновременно служить как „Sachlexikon“. Что же касается вновь созданных специальных терминов или выражений отдельных школ и направлений, то их лучше всего разъяснять с помощью цитат, что и делается в данном словаре. Для того чтобы этим словарем могли пользоваться лица, принадлежащие к разным общезыковым культурам, необходимо дать развернутую систему перекрестных ссылок, обеспечив таким образом все те преимущества, которые заложены в систематической обработке всего материала». Эти принципы были весьма успешно применены Й. Knobloch при работе над материалом, причем в основу словаря была положена картотека лингвистических терминов, которая была еще начата по инициативе К. Бругмана. Поэтому работа над отдельными выпусками рецензируемого словаря была направлена, в основном, на углубление, на глубокое изучение материала и оказалась органически связанной с созданием исходных картотек, основа которых закладывалась Й. Knobloch еще в то время, когда он был студентом, а в дальнейшем последовательно углублялась и развивалась благодаря непрекращающемуся сотрудничеству с ним многих виднейших лингвистов. Заметим, что список фамилий сотрудников словаря и соответственно указания на ту помощь, которую соответствующие лица ему оказывали, все увеличиваются. Так, например, уже во второй тетради мы видим новые фамилии, причем с особым удовлетворением отмечаем появление фамилий советских ученых и вообще приращение всему этому делу

международного характера. Как очень важный момент следует отметить то, что Й. Кноблах сам прекрасно знает русский язык и поэтому оказывается в гораздо большей степени способным охватить разноязычный материал и преодолеть известную ограниченность многих других словарей (уже не говоря, конечно, о тех, которые просто по своему плану и содержанию заранее ограничиваются только одной лингвистической школой).

Для того чтобы дать представление о том, какое разнообразие и богатство материала содержится в рецензируемом словаре, возьмем, например, слово *Verdeutung*. Этот термин разворачивается на десяти страницах убогистого текста, снабженного богатейшими библиографическими указаниями и перечислением по существу всех основополагающих работ, на основе которых данный термин и соответственно данное понятие получили наиболее полную разработку. Мы видим развитие европейской традиции, начиная от Фомы Аквинского и арабских филологов, и далее целую плеяду исследователей и направлений, таких, как Штерн, Карцевский, Блумфилд, Харт, Марти, Виноградов, Шмидт, Пауль и многие другие, причем в полном соответствии с тем, что было сказано выше, речь идет именно о словаре, а не об изложении соответствующего общезыковедческого вопроса или характеристике некой общезыковедческой системы. Разграничение функций, с одной стороны, ученого-лингвиста, а с другой стороны, лексикографа проводится здесь весьма последовательно; почему все многочисленные фамилии и, что самое главное, указания на соответствующие труды возникают и соответственно располагаются на основе анализа данной лингвистической категории и конкретно тех терминологических воплощений, в которых постепенное развертывание этих категорий реально осуществлялось в историческом развитии нашей науки. Характеризуя в целом рецензируемое пособие, можно сказать, что анализ каждого термина строится строго последовательно с точки зрения постепенного развертывания и раскрытия различных сторон описываемого явления; отчетливо показывается роль различных исследователей в этом процессе, и далее, оправданность или даже необходимость создания соответствующих монолексемных, а чаще составных терминов. Из сказанного видно, насколько ценна для языковедов возможность пользоваться этой сокровищницей знаний. Поэтому можно только мечтать если не об окончании этого труда, то о возможности скорейшего выхода в свет как можно большего количества выпусков, или частей.

Итак, рецензируемый словарь, охватывающий всю общезыковедческую терминологию и отражающий наиболее общие

и важнейшие категории нашей науки, вполне может мыслиться как максимально международный, наиболее освобожденный от тех или иных номенклатурных систем, характеризующих те или иные более частные языковые группы или союзы. Однако между различными лингвистическими традициями, несомненно, и по сей день сохраняется известная иерархия. Если исходить не только из интересов истории нашей науки, т. е. если не иметь целью прежде всего проникновение в ее самые ранние истоки, в ее формирование на заре человеческой цивилизации вообще, то все-таки иерархически наиболее сильной, наиболее устойчивой в мировом плане, а к т у а л ь н о наиболее важной является, грубо говоря, традиция европейского языкознания. Поэтому вполне естественно, что среди тех имен и тех работ, которые фигурируют в рецензируемом словаре, именно работы европейских ученых окажутся наиболее многочисленными. Но это отнюдь не значит, что из словаря исключается терминология или даже номенклатура других языков. Напротив того. Работая со словарем Кноблаха, не пересташь удивляться тому, как естественно объединяются в нем разноязычные и разносистемные термины и номенклатурные обозначения. Особенно это заметно, конечно, на материале под буквой *C*, где подряд идут такие, например, вокабулы, как *Chronologie, chronotype, chuchoter, chuitante, chunk, chute, Chutsuri, cinème, circonstant, circumditerrané, claptrap, claquante, clâritas, clause, clausula rhetorica, click, cliché, clippings, Clumptheorie* и т. д.; но и даже, например, на *A* — *Adjektivverbum, adjectif, adiunctio, Adjunktion, Adjunktiv, adjunctival, adiunctium* и т. п. Выбрать из бесконечного разнообразия и огромного множества единиц так, чтобы практически не возникало сомнения в целесообразности найденного решения — очень и очень трудная задача. Огромная эрудиция, тонкое и всестороннее знание предмета позволили Й. Кноблаху решить ее наилучшим образом.

Выше уже отмечалось то весьма благоприятное впечатление, которое рецензируемый словарь производит все более широким привлечением материалов русского, советского и вообще того, что называется «восточноевропейским» языкознанием, которое в основных своих чертах оказывается той колыбелью, в которой зародились и из которой распростирались на Запад многие весьма важные лингвистические идеи и течения. Вместе с тем, вполне естественно, что в словаре широко отражены те особенности, которыми характеризовалось и продолжает характеризоваться языковедческое исследование в Соединенных Штатах. Ср., например, такие термины, как *allochrone, allomorph, chunk, change-point*,

broken sentences, base language и т. п. Вместе с тем, в пределах этих же основных территорий возникали и продолжают возникать такие работы и такие термины, которые носят характер подбёнок, оказываются нежизненными, не доказавшими как бы своего права на существование, не раскрытыми в нашем предмете чего-либо такого, что нашло бы признание и оказалось бы примененным также и другими учеными, а не только теми, кто их создал, и его непосредственными учениками. Заметим в связи со сказанным, что нередко само содержание нового термина, который для собственных потребностей создал тот или иной автор, оказывается и ему самому недостаточно ясным. Он оказывается не в состоянии не только его достаточно четко определить, но и, что самое главное, достаточно ясно и последовательно показать, почему создание этого нового термина оказалось необходимым и в каком соотношении он находится со всеми предыдущими терминами, созданными для раскрытия сущности или разных сторон — если это дублиеты, триплеты и т. д. одного и того же предмета. При этом, к сожалению, многие из «создателей» новых лингвистических теорий слишком часто грешат ненужным и неоправданным обрывом традиций, явным нежеланием прежде чем предаться большей частью непонятному словотворчеству, попытаться проникнуть во все многообразие метаязыковых средств, уже существующих в мировом языкознании. Поэтому-то и особенно важно создание труда, который, как совершенно правильно заметил Е. Курилович, является не просто лексикографическим пособием, а краткой хрестоматией языкознания и его истории, причем такой «хрестоматией», которая, в отличие от обычных хрестоматий, представляет материал необыкновенно четко, сжато, в строго продуманном, в последовательно аранжированном виде. И в этой связи необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что И. Кюблех не перестает подчеркивать коллективный характер труда, то обстоятельство, что на его долю выпала лишь систематизация материала, который непрерывно пополняется и обогащается, благодаря постоянному участию и огромному интересу к его работе со стороны многих ученых-лингвистов.

В отличие от многих других словарей, словарь И. Кюблеха почти лишен теоретического предисловия — все тетради полностью отводятся под собственно словарный материал и лишь на первой оборотной стороне обложки автор обращается к читателям — и то лишь для того, чтобы воздать дань тем ученым, которые много помогали и помогают ему в его труде. Поэтому мы практически ничего не знаем относительно того, почему он решил так, а не иначе те или иные лексикографические проблемы. (Вполне естественно, что к

таким большим общим лексикографическим проблемам не относятся те решения, которые были им приняты в отношении шрифтов, разного рода скобок и т. д., чему посвящается оборотная сторона обложки в 3-м выпуске словаря.) Только один абзац посвящен проблеме алфавитного расположения сложных терминов, состоящих из слияния существительного с прилагательным; под прилагательным такой термин дается в тех случаях, когда само прилагательное является термином или же основным содержанием термина. Сложные же термины, т. е. термины композиты, даются по второй морфеме. Так, например, *Hauptagens, Hilfsagens* дается под *Agens*. Если же, однако, первая морфема является основой термина, то это правило из практических соображений иногда нарушается, для того чтобы избежать чрезмерного скопления терминов, т. е. такого их нагромождения, которое делает их более или менее удобное обозрение невозможным. Это относится, например, к таким случаям, как *Aussagesatz, Aussagesprache, Aussagewort* и т. п., которые даются по алфавиту первой морфемы. Указывается также на то, что поиск чуждых терминов данной категории облегчается соответствующими лексикографическими средствами, которые обязательно используются во всех тех случаях, где возможны сомнения.

Из сказанного ясно, что мы перешли сейчас в область уже более техническую, но, тем не менее, представляющую весьма существенной, и, может быть, именно здесь принципиальные различия между словарем энциклопедическим и словарем, который мы можем для краткости назвать словарем системного типа, проявляются наиболее ярко. Если словарь имеет целью дать в одном томе (а одностомность словаря это лексикографический момент в высшей степени важный, потому что даже двухтомный, не говоря уже о многотомном, гораздо труднее использовать в повседневной работе), которым реально пользуются в качестве средства общения с другими языковедами той или иной группы или категории ученых, то сжатость, краткость, компактность, экономия места имеет первостепенное значение. В этом случае совершенно необходимо пользоваться гнездовой системой, а следовательно, и неукоснительно соблюдать правила лексикографического оформления тех или иных категорий, типов или структур, составляющих часть данного метаязыка. С другой стороны, в многотомной энциклопедии, которая уже по самой природе вещей не может быть компактным и удобным для пользования пособием, возможно, и нет надобности детально разрабатывать, и тем более строго регламентировать способы лексикографической обработки материала, а можно позволить себе весьма значительную свободу и не стремиться к экономии места.

Поэтому против того, что принято в лексикографическом плане в словаре, вряд ли можно и нужно делать какие-либо критические замечания. Пусть это пособие будет наиболее полным, пусть оно как можно более всесторонне и широко развернет и раскроет сущность всех основных категорий нашей науки и покажет (также с широким использованием перекрестных ссылок), каким образом осуществлялось развитие и развертывание этих категорий.

*

Обычно рецензии на словари концентрируют внимание на тех словах или словосочетаниях, которые оказались не включенными в данное лексикографическое пособие. Однако, хотя, конечно, вопрос о словнике, вопрос о том, какие слова следует и какие не следует включать в тот или иной словарь, безусловно, представляет значительный интерес, тем не менее, при современном состоянии языкознания не представляется возможным подходить к его решению в том плане, в каком подходят к словарям общего языка. Что касается последних, то разнообразные предложения об их пополнении и указания на пропуски всегда и безусловно представляют известный интерес для составителя, поскольку такие предложения отражают естественное восприятие человека, владеющего данным языком как родным, в отношении тех или иных лексических явлений. Иными словами, отнюдь, конечно, не стремясь или во всяком случае не принимая всех тех предложений, которые поступают в редакцию после первого издания, скажем, данного однотомного толкового словаря, составитель всегда получает материал аутентичный.

Что же касается лингвистических словарей, то положение здесь несравненно сложнее и снова необходимо четкое разграничение словаря, отражающего метадиалект той или иной лингвистической школы — с одной стороны, и словаря энциклопедического, т. е. словаря, такими рамками не ограниченного — с другой. В первом случае, как уже было сказано, данная метадиалектическая система непременно должна отличаться известной полнотой и законченностью. Во втором случае список не может не быть открытым, в том смысле, что от различных школ и различных направлений может поступать как бы все новая и новая информация, как будто бы имеющая право на включение в словарь. Однако здесь сразу же возникает непреодолимая трудность. Дело в том, что теперь значительное количество людей, первоначальное образование которых было языковедческим, считает в высшей степени важным и, что самое главное, с о в р е м е н н ы м обнаруживать в своих

работах не только знакомство с понятиями и терминами таких наук, как акустика, неврология, патология речи, математическая логика и т. п., но и умение, или во всяком случае с т р е м л е н и е, их терминологию вводить в свои как будто бы, в основном, все же лингвистические работы. Что же тогда делать? Совершенно понятно, что если открыть двери и впустить в лингвистический словарь всю эту огромную, разнородную массу слов и словосочетаний, то, во-первых, такая книга должна оказаться многотомным сочинением, во-вторых — в состав авторов должны будут включиться представители всех этих разнообразных наук и результатом явится в о о б щ е энциклопедический словарь, а не словарь лингвистических терминов. Поэтому, исходя из фактического состояния дела в настоящее время, следует всячески приветствовать то обстоятельство, что рецензируемый словарь остается словарем лингвистическим и что его автор не поддается тем соблазнам, перед которыми, в частности, не устояла, например, хорватосербская лингвистическая энциклопедия Р. Симеона.

Сказанное относится также и к новым и новейшим терминам, которых постоянно возникает несметное множество и которые не выходят за пределы произведений тех или иных авторов. Нередко эти термины «отцветают, не успевши расцвести», т. е. фактически так и не получают сколько-нибудь значительного распространения.

Весьма интересным вопросом, в отношении которого существуют разные мнения, остается вопрос о том, следует ли придерживаться гнездовой организации материала или же можно помещать сложнопроизводные термины каждый раз в качестве отдельной вокабулы (или «черного слова»). Некоторые думают, что последний из перечисленных способов представляет известное удобство для пользующихся словарем и что поэтому, несмотря на непропорциональное увеличение объема, его все же можно использовать. Мне это представляется неубедительным. У меня нет никаких сомнений в том, что при пользовании специальным словарем (а пользуются им, конечно, в основном специалисты) механическая возможность быстрого нахождения слов или словосочетаний никаких абсолютно преимуществ не дает. Специалист только тогда получит полную научную информацию, если он сможет сразу же себе представить именно место данного термина в системе смежных с ним терминов-понятий, а не как какое-то изолированное явление, качество толкования которого он, конечно, не сможет при таких условиях оценить.

Лингвистический словарь Й. Кноблоха представляет настолько важное событие, это такой большой и ценный вклад в нашу науку, что его обсуждение вполне

естественно наталкивает на рассмотрение больших и широких проблем. Уже вышедшие шесть тетрадей представляют огромную ценность и очень помогают в работе. Следует надеяться, что выход последующих выпусков будет несколько ускорен, так как рецензируемый словарь представляет собой исключи-

тельно квалифицированное, глубоко продуманное, необыкновенно тщательно обработанное и редактируемое и полиграфически безупречное произведение лингвистической лексикографии.

О. С. Ахманова

«Персидско-русский словарь в двух томах». Свыше 60 000 слов. Под ред. Ю. А. Рубинчика. С приложением грамматического очерка персидского языка, т. I—От 𐬀 до 𐬀; 783 стр.; т. II—От 𐬀 до 𐬀; 848 стр. — М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970.

Выход в свет нового персидско-русского словаря является крупным событием в советской иранистике и большим достижением советской иранистической школы. По охвату современной и в значительной степени старой лексики, по количеству идиомов, устойчивых фразеологических сочетаний и срощений, важнейших простых и составных терминов из различных областей науки и техники — это один из наиболее полных современных персидско-русских словарей.

В словаре содержится, кроме того, список географических названий (II, стр. 754—772), список личных имен (II, стр. 773—787), современный иранский солнечный календарь хиджры, иранский лунный календарь хиджры, формулы для перевода этих календарей на годы григорианского календаря и формула для перевода лет григорианского календаря на годы лунного календаря хиджры, список денежных единиц Ирана, иранские единицы измерения (II, стр. 788—790). Грамматический очерк, написанный Ю. А. Рубинчиком (II, стр. 791—847), кратко характеризует фонетику и шисьменность современного персидского языка, его лексику и фразеологию (в числе других заимствований особое внимание уделено арабизмам, приложена таблица арабских причастий и масдаров), а также пути пополнения словарного состава; наиболее обширный отдел очерка составляет морфология. В «Предисловии» (I, стр. 5—16) излагаются принципы, положенные в основу словаря; четко составлен раздел «О построении словаря» (I, стр. 17—22). Приводится библиография важнейших современных персидско-русских и русско-персидских словарей, английских, немецких, а также перечень персидских словарей, в том числе толковых, разговорной и диалектной лексики, словарей фразеологизмов (I, стр. 26—27). В специальном разделе (I, стр. 23—26) изложены принципы транскрибирования, принятые в словаре. В работе над словарем в качестве неизменных консуль-

тантов приняли участие носители персидского языка и большие его знатоки — Амирхизи, Б. Данеш, Г. Гаэмпанах.

Составители словаря исходят из понимания слова как сложной структуры, учитываются все его системные связи. Очень тщательно и продуманно разработаны словарные статьи («гнезда слов»), подробные сведения о принципах расположения слов в гнезде приводятся в разделе «О построении словаря». Правда, в больших словарных статьях, таких как *دست* (*dāst*) «рука», *سر* (*sār*) «голова», *پا* (*pā*) «нога», *دل* (*dāl*) «сердце» из-за обилия включенного в них разнообразного материала не всегда можно быстро и легко найти нужное словосочетание или фразеологизм. В ряде случаев подобное словосочетание выносится в самостоятельную словарную статью и одновременно включается в общее гнездо с перекрестной ссылкой.

Особое внимание уделено подаче предлогов и особенно отыменных предлогов. Последние даются внутри «словарной статьи имени, которое употребляется в функции предлога, и выделяются отдельным значением» (I, стр. 12); в предисловии справедливо указывается на трудности, связанные с выделением отыменного предлога и с определением его функций (этот вопрос заслуживает специального исследования).

В виде самостоятельных словарных статей составители выделили множество сложных слов — лексикализованных словосочетаний, образованных по различным моделям: с соединительной гласной, с изафетом или без них. Нельзя не согласиться с составителями в том, что «проблема разграничения сложных слов и словосочетаний, производных слов и сочетаний предлогов с именами еще ждет своего решения во многих языках» (I, стр. 13) — в персидском же языке, как известно, вопрос о границах слова до сих пор еще не разрешен. Во всяком случае, нам представляется, что составители правильно подошли к решению вопроса о